

Тайна Гайдара

ВВЕДЕНИЕ В НАСЛЕДСТВО
Г. МОСКВА
22 янв 1984г

В СТАРОМ гимназическом учебнике французского языка была надпись: «Что мы видим на этой картинке?» Ученик должен был картинку пересказывать.

Паустовский, вспомнивший об этом, утверждал, что никогда потом не встречался с таким педагогическим приемом. Кроме одного раза. Он ехал в поезде с Гайдаром.

«Среди ночи Гайдар разбудил меня.

— Что мы видим на этой интересной картинке? — спросил он меня.

Но я ничего не видел, так как свеча в фонаре догорала и по вагону шатались длинные тени.

— Мы видим, — сказал Гайдар, — одного железнодорожного вора, который пытается вытащить из кошелки у доброй задремавшей старушки пару шерстяных сапог, называемых валенками».

Последовали действия по восстановлению справедливости.

В этой ночной сцене, как бы выхваченной из большой жизни, сошлось столько всего, что именно с нее и хочется начать разговор об Аркадии Петровиче Гайдаре. Допустим, мы ничего о нем не знали. Что можно сказать об этом человеке?

Он весел и остро ощущает стиль. Слово нравится ему, когда стоит на новом, непривычном месте. Благонравная учебниковая интонация потому хороша, что приходится пересказывать совершенно неподходящий, неблагонравный эпизод — вагонную кражу.

Он едет в поезде, где чувствует себя уверенно, как дома, и отвечает за все. Кстати, во всех, наверное, повестях Гайдара люди едут, и больше всего на поездах. Или хотя бы смотрят, как поезда проносятся мимо. Причем поездка — не промежуток между эпизодами жизни, а сама жизнь, порой самое в ней главное («Чук и Гек»).

Он добр и решителен. Слова о доброте и решительности не произносятся, слова нужны для другого, для ощущения веселого и правильного мира, а рядом с ними нужны дела.

И еще знаете, что? О таком человеке очень интересно рассказывать легенды.

ГАЙДАР весь в легендах. Правдивые, они все равно невероятны. Гражданская война полным-полна замечательных историй. Но все-таки, кто еще командовал полком в 16 лет?

Если его кто-то «послал в писатели», то это был Фрунзе.

Незадолго до войны он познакомился и подружился со старшеклассницей. Это была Зоя Космодемьянская.

Он отдал мальчишкам на улице серебряное кольцо «поносить» и велел вернуть, а адреса не сказал. Мальчишки выросли, стали офицерами и после гибели Гайдара вернули кольцо его другу. Они искали его восемь лет.

И еще сто таких случаев.

В мальчишеской игре не бывает перебивов, пустых мест. Каждый шаг — изменение ситуации. Каждая перемена — событие. Каждое действие — подвиг... Может быть, по этим композиционным законам и казалась современникам построенной жизнь взрослого человека Гайдара? Все знают, чему научились дети у Гайдара. Но сначала Гайдар научился у них мироощущению.

Или, может быть, он всегда его знал. Но тогда он научился у детей его не забывать.

ГАЙДАР и дети — это уже при жизни ощущалось, как тайна. Вспоминает друг Гайдара Рувим Фраерман:

«— Что ты с ними делаешь?..

— А ничего особенного...

— Но все-таки... Играешь ты с ними как-то по-особенному?

— Нет.

— Наставляешь ты их как-нибудь или забавляешь?

— Нет.

— Так что же ты делаешь?

— Я их просто люблю».

Все мы читаем этот диалог с нетерпением. Вот сейчас раскроется тайна, и мы поймем, наконец, что нам делать в этой половине жизни, посвященной детям, ибо все остальное — и любовь, и работа, и война — только другая ее половина. Продолжим?

«— Но, однако... Любить детей еще мало. Надо чтобы они тебя любили.

— И это верно...

— Ты с ними добр?

— Они не любят очень добрых.

— Значит, лучше быть строгим?

— Ничего не значит. Не нужно быть ни строгим, ни добрым.

— Так каким же лучше быть?

— Лучше всего быть серьезным».

Вопросы старательны. Ответы честны. А все-таки разговор напоминает вопрос,

допустим, к Пушкину: «Как стать гениальным поэтом?» Простого ответа, раз и навсегда, на такие вопросы не существует. Подробный, сложный, правдивый... Такой ответ есть. Им является все творчество.

Только этот ответ неполон. Потому что оборвана пулей сама жизнь и писатель не успел дорассказать, дораскрыть нам свою тайну, хотя больше всего в жизни хотел именно этого.

У некоторых тимуровцев благородное их дело не получилось таким увлекательным, как у самого Тимура. Хотя ведь рядом с ними были очень старательные взрослые. И помогли найти каждое дело, и следили за ним, и заносили его в специальные аккуратные альбомы. Идет человек сделать что-нибудь стоящее, а за ним — школьные фотокорреспонденты. Фотографируют, и в тот же альбом. Теперь любому можно доказать, что добрые дела действительно делаются. И отчитаться можно. Только скучно.

А что говорит вожатый или педагог?

— У моих детей нет ни к чему интереса. Они ленивы. Фантазия у них не работает.

Но это все, конечно, не о Гайдаре. Это просто уточнение: каким он не был. Что бы никто не перепутал.

КОНЕЧНО, в жизни Гайдара было много интересных и даже удивительных поступков. Но, наверное, самыми важными его поступками были книги.

В фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», который очень бы понравился Гайдари, говорится, что есть два вида мужества. И их не обязательно поровну у каждого человека. Есть мужество военное, физическое, а есть гражданское. Там, в фильме, человек, который для спасения своего друга прыгал в крапиву, потом рисует на того же друга карикатуру. Потому что велели.

Так вот, у Гайдара были оба эти мужества. И свою автобиографию в 1937 году он завершает такими словами: «Сейчас я заканчиваю повесть «Судьба барабанщика». Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных не меньше, чем сама война».

О некоторых сложных вещах литературы, случается, не умеют рассказать даже взрослым — так все непросто, что книга не получается. Вот хоть о несчастной любви или о распадающейся семье, например. Гайдар чувствовал необходимость и возможность говорить о самом главном и трудном для себя в своих книгах. Хотя был детским писателем.

В юности мы очень увлекались Хемингуэем. С точки зрения содержания, нас привлекало военное, солдатское мужество героев этих книг, с точки зрения формы — так называемый подтекст. Люди говорят совсем не о том, что их занимает, а почему-то все понятно. Хотелось посмотреть страницу на просвет, чтобы угадать — как это сделано. Потом постепенно стало понятно, что здесь не два разных открытия, а одно и то же: потому и не говорят о главном, что хватает силы воли промолчать. Мужество не хочет, чтобы его жалели. Но тут же возникало воспоминание: а где мы уже такое видели?

Есть у Гайдара небольшая довоенная повесть «Голубая чашка». Она возникает в его творчестве как бы случайно. Читая ее впервые, не можешь себе поверить: неужели в рассказе про девочку Светлану, которой «шесть с половиной», в самом деле говорится о трещине не только в голубой чашке, но и в семье? А еще там есть отблески гражданской войны, и тема интернационализма, и ясное небо над головами, и предчувствие тревоги. И мир, прекрасный и хрупкий.

Такова судьба редких, но зато самых замечательных книг, что мы вот теперь видим в ней, пожалуй, больше, чем сам автор видел за пять лет до Великой Отечественной войны.

СОЗНАЕМСЯ, у многих из нас был момент, когда мы уже «прочли» Гайдара. Уже все знали про него и, пожалуй, стеснялись говорить о нем с восторгом. Ведь мы выросли, а он был детским писателем.

Этот самый момент только казался нам взрослостью. Когда стала подступать настоящая взрослость, мы вдруг увидели, что Аркадий Гайдар, как и положено героическому всаднику (так, говорят, расшифровывается его псевдоним), впереди.

Вот и еще одна тайна. Как бы он писал, если бы фашистская пуля не оборвала его жизни, о чем рассказывал бы за эти годы, доживи он до своего сегодняшнего восьмидесятилетия?

Должно быть, это по-прежнему были бы книги для детей, от которых умнели и добрели бы даже мы, взрослые.

Александр АРОНОВ.